

Как Елена-королевна вывела царского сына от волшебного короля (Коргуев)

Не в котором царстве, не в котором государстве был-жил знаменитый купец. Но он не имел никакой торговли, а имел громадные земли для посева и много имел рабочих. И этот избыток хлеба продавал в разные государства, и из-за этого он оборот большой получал денег. Когда он насеет хлеб весной, то обирает на осень, скажем, в августе месяце, и говорит рабочим своим:

— Вот когда будете хлеб обирать, то смотрите, не оставляйте одной зернины на пожне, смотрите, чисто обирайте, чтобы не было покушения от зверья или от птиц.

И эти слуги, работники, конечно, это все исполняли. И вот раз они обирают хлеб и так дочиста обирали, что, думали, ничего не осталось. На это время все-таки оставили они в главной полосе, может быть, несколько десятков зернин и сами даже не знали. Но птицы пользовались тем случаем и стали следить. Во-первых, прибежала мышка и прилетел воробушке, малая головка. И вот они поели три зернышка, на четвертом подрались; и так сильно подрались, и заспорили. Потом мышка и говорит:

— Ну, коли так, кто заберет сильнее, тот и будет правее. Заговорила мышка:

— Сколько будет бегучего зверья, то идите мне на помощь. А воробушко сказал; — А сколько есть летучей птицы на свете и пусть мне летит на помощь.

Ну, это поле было около пятисот десятин земли, и полное поде налетело зверья и птиц, и пошла у них промеж собой битва, можно сказать — война. И вот через сутки, сколько они бились, не осталось ни одной животной живой, только остался один орел, сидячий на лесине, раненый.

И случилось пойти на охоту молодому царевичу в ртом же городе. Он был недавно только женат. Он приходит на широкое поле и видит — все поле усеяно зверьем, и все были мертвые. Когда он прошел это поле, на краю видит — сидит орел на сосне на самых низких суках; он прицелился, хотел его стрелять. Орел ему и заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, не стреляй меня, возьми меня к себе.

Он опустил ружье и раздумался: «Ну, что я его понесу, такого громадного зверя, мне и не унести будет».

И хочет второй раз стрѐлить. Уже поднял ружье, опять он заговорил:

— Слушай, Иван-царевич, не стреляй в меня.

Так сильно испугался, что чуть не упал с сука. Он опустил ружье. И вот опять царевич раздумался: «Что же он не велит стрелять, куда я его унесу?» Орел и опять заговорил, ну, так испугался, что уж Закрыл глаза.

— Слушай, Иван-царевич, не стреляй, я тебе пригожусь, отомщу, если ты меня возьмешь к себе. Царевич ему говорит:

— Слушай, орел, если я тебя возьму, то мне тебя не унести будет.

— Я как-нибудь около тебя хоть на крыльях, только возьми к себе, откорми, а я тебе пригожусь. Тогда царевич согласился и сказал:

— Ну, если можешь, тогда шагай или лети вслед, ну, мне тебя не унести будет, ты слишком большой.

Тогда орел спустился с сука, которо бежал, а которо летел. С большим трудом и с большой силой дошел до государства его, это ему было слишком тяжело. Когда он пришел к нему в государство, то сказал:

— Ну, Иван-царевич, не пожалей меня кормить и прокорми меня девять месяцев, а я тебе все уплачу. Давай мне шесть коров или шесть волов каждые сутки на пропитанье, хоть тебе и трудно будет, но я тебе все уплачу.

И вот Иван-царевич начал его кормить. И прокормил то три месяца. Тогда орел и говорит; — ну, Иван-царевич,пусти меня теперь полетать, сколько я могу подняться, не бойся, не обману тебя за твое добро, прилечу обратно.

И он его отпустил. Он пролетал целые сутки и обратно прилетел. И сказал:

— Ну, Иван-царевич, только чуть-чуть третью часть мог подняться. Корми меня еще три месяца.

Когда он прокормил шесть месяцев, то у него уж нехватило своего скота, стал покупать на стороне и отпустил его опять второй раз. Когда отпустил второй раз, он пролетал целых шесть суток. Прилетел обратно и говорит:

— Ну, Иван-царевич, еще корми меня три месяца, я только поднялся воккурат на половину.

Когда он прокормил его еще три месяца, то он ему такой громадный убыток сделал, что уже ему было чувствительно. И сказал ему:

— Ну, теперь еще отпусти меня на четверо суток, а потом я к тебе вернусь и скажу тебе окончательно.

И он отпустил его. Орел пролетал четверо суток, спустился и говорит:

— Ну, Иван-царевич, теперь полетим ко мне, я тебе отомщу все убытки, какие ты сделал, и награжу за все, только полетим. Не бойся ничего, обратно ты легко попадешь, а я тебе таких редкостей дам, каких только ты пожелаешь.

Потом Иван-царевич распростился, конечно, с молодой женой со своей и сказал:

— Ну, жена, не печалуйся, я полечу с орлом за своими убытками, которые он мне обещал возместить.

Уселся на него и стал подниматься. Когда они поднялись так сильно высоко, что орел стал спрашивать:

— Ну, Иван-царевич, высоко ли небо, низко ли земля, скажи мне теперь?

И вот он ему отвечает; — Земля наша такая маленькая, что чуть не с овчину, а до неба я не знаю, сколько места.

И вдруг орел сбрасывает его с крыльев, Иван-царевич полетел книзу — Иван-царевич полетел книзу и так сильно испугался: «Ну, — думает, — смерть».

А. орел спустился книзу, ухватил его на крылья, стал подниматься кверху. Поднялись они так опять высоко, что он начинает опять спрашивать Ивана-царевича:

— Ну, что, Иван-царевич, далеко ли земля, близко ли небо?

— Земля с лист, а до неба — я не знаю.

Он опять его спустил с крыльев, Иван-царевич полетел книзу. Иван-царевич полетел книзу и так сильно испугался, что уж не помнит себя. Орел опять захватил его, стал подниматься кверху и дальше полетел. Поднялся еще выше и спрашивает:

— Ну, Иван-царевич, высоко ли небо, низко ли земля, тебе виднее? Он отвечает:

— Небо — не знаю, а земля с грош или чуть-чуть с копеечку.

Он его опять сбрасывает с крыльев и пропустил его далеко. А сам полетел книзу. Потом он под низ подлетел, подхватил его и стал подниматься кверху; ну, Иван-царевич не чувствовал совершенно себя. Когда поднялся кверху, тогда пришел в память:

— Ну, скажи теперь, Иван-царевич, как ты испугался в первый раз?

— А я так сильно испугался, думал, что смерть.

— А как на второй раз испугался, скажи?

— А на второй раз до чего я испугался, думал, что уж не быть мне живому.

— Так, теперь расскажи, как на третий раз испугался?

— А я уж на третий раз до того испугался, летел без памяти, запер глаза, и даже не было у меня сознания.

— Так, так, Иван-царевич, ты испугался, а думаешь, я не испугался, когда на первый раз хотел меня стрелить в поде? А ты опустил ружье, это мне еще не так было страшно. А второй раз, когда я у тебя стал проситься, а ты сказал: «Куда я с тобой буду таскаться», я так сильно испугался, глаза закрыл, что едва не упал со сука. А когда ты меня третий раз хотел стрелять, то я так испугался, потерял сознание, только сказал: «Выручи, возьми меня с собой». Думал, что вот-вот смерть. Ну, а теперь полетим, я тебе отомстил, что ты мне отомстил. Ну, это было дело у нас полюбя, но думай плохого, Иван-царевич. А теперь полетим, я тебе сделаю все лучшее, поскольку ты разорился, прокормил меня. Теперь посмотри, высоко ли небо, низко ли земля. Наверно ты сейчас земли не увидишь, мы поднялись так высоко. И он ответил ему:

— Ну, орел, я уж земли не замечаю, а до неба не знаю, сколько места.

— Ну, ладно, хорошо, теперь мы скоро прилетим в мое государство.

И вот видит издалека золотое царство. Залетели когда туда, встречают этого орла царем, и он приказал царевича угощать и ценить его, как спасителя этого государства. Вот он прожил у него три дня. Он его поил, кормил, угощал и говорит ему на четвертый день:

— Сегодня я тебя свезу к старшей сестре, и вот она чего тебе будет давать за то, что ты меня спас, ну, ты ничего не бери. Много тебе она будет разных ценностей давать, злато и серебро, всего, она тебе будет давать и кошелёк-самотряс, сапоги-скороходы, шапку-невидимку, ты ничего не бери, а проси у ней разноцветный ящичек; хотя ей и жалко будет, но все равно отдаст

его тебе. А потом придешь ко мне, и тебе придется ходить ко всем трем сестрам.

И вот когда он пришел к ней, она до чего обрадовалась, встретила и стала его угощать таким угощением, что он еще и не видел в своем государстве. Она ему и говорит на четвертые сутки:

— Ну, Иван-царевич, чего тебе надо за спасенье моего брата, я тебе все даю, чего ни пожелаешь. Возьми сапоги-скороходы.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, сапоги-скороходы.

— Ну, возьми шапку-невидимку.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, и шапки-невидимки.

— Так что тебе надо, возьми золота и серебра, сколько хочешь, ты не бойся, мы тебя представим на родину. Чем же я тебе больше буду платить за спасенье моего брата?

— Слушай, прекрасная девица, дай мне разноцветный ящичек.

Она немного подумала и говорит:

— Слушай, Иван-царевич, жалко мне отдать тебе разноцветный ящичек, но уж много ты капитала погубил, отдам тебе ящичек, только он у меня без ключа.

Она приносит ему разноцветный ящичек. Распростился он с ней и приходит к этому орлу-царевичу.

— Ну, что, Иван-царевич, достал ты разноцветный ящичек?

— Достал.

— Ну, ладно, положи сюда, завтра иди к средней сестре я тебя провожу.

Он переспал ночь, и наутро ему говорит орел; — Ну, пойдем к средней сестре, и ты возьми у нее кошелек-самотряс, а я в это время узнаю у нее, где хранится ключ от этого ящика.

Вот он приходит к ней, она его приняла, посадила за стол, начала угощать. Брат немного посидел и ушел, а Иван-царевич остался у нее.

Она ему и говорит:

— Ну, что тебе, Иван-царевич, надо за моего брата, что ты его спас, кормил и убил своего капитала много, я тебе все дам, уплачу за брата.

Она ему приносит сапоги-скороходы.

— Нет, мне не надо, прекрасная девица, сапоги-скороходы.

— Ну, так что тебе надо, скажи мне? Потом она приносит ему ковер-самолет.

— Вот тебе штука хороша домой лететь.

— Нет, не надо мне, прекрасная девица, это.

— Да чем же я тебя буду дарить, коли ты ничего не берешь?

— Слушай, прекрасная девица, дай мне кошелек-самотряс. Она ему и говорит:

— Ну, коли так, отдам тебе кошелек-самотряс, у нас только есть два в царстве: один у старшей сестры, другой у меня. Ну, не пожалею, отдам тебе его за брата.

Получил он кошелек-самотряс, распростился с прекрасной девицей, приходит к орлу-царю.

— Ну, что, Иван-царевич, достал, что я тебе велел?

— Достал.

— Ну, ладно, ночуй у меня еще ночь, а потом сходим к младшей сестре, я тебе скажу.

Ночевал ночь, утром встает, попили они чай, орел и говорит:

— Ну, пойдем теперь к младшей сестре. Смотри, ни на что не соглашайся, проси у нее ключик от разноцветного ящика, он у нее. А я тебе все приготовлю.

И он сейчас повел его к младшей сестре. Такая красавица, только и думает: «Вот бы быть ей моей женою. Ну, уж у меня жена есть, на что мне?» Она так им обрадела и говорит:

— Ну, Иван-царевич, бери, что пожелаешь, я тебе уж отомщу за брата своего, оплачу тебе все убытки.

И вот орел ушел, конечно, прочь, она осталась с ним и угощала его три дня. Ничего у него не спрашивала, дала ему полную свободу, водила по своим комнатам. показывала богатство и все такое. Прошли эти три дня, она и стала говорить.

— Ну, Иван-царевич, что тебе надо, я тебе все даю, золота, серебра, что хоть.

— Нет, слушай, прекрасная девица, мне ничего не надо, а дай мне ключик от разноцветного ящичка, я как слышал, что он у тебя есть. Она и говорит ему:

— Слушай, Иван-царевич, на что тебе ключик от разноцветного ящичка, когда у тебя нет ящичка, тебе он ни к чему.

— Так уж слушай, прекрасная девица, ты только мне отдай, а больше мне не надо ничего.

— Ну, ладно, я тебе его отдам.

И приносит золотой ключик. Принесла, отдала, он распростился с ней и приходит к орлу-царевичу.

— Ну, орел-царевич, что ты мне велел достать, я все достал, дали сестры.

— Ну, молодец, а теперь поживи у меня три дня, а там я тебя отправлю в путь-дорогу. И вот он говорит:

— Ну, где твой разноцветный ящичек, дай мне сюда, и ключик, а через три дня я все приготовлю и расскажу про путь твой, как тебе нужно итти.

И дает ему этот ящичек и ключик, и через три дня орел навел ему в этот ящичек громадную силу. На четвертый день приносит ему, отдает в руки и говорит:

— Вот, Иван-царевич, теперь ты сегодня от меня пойдешь. Бери этот ящичек с собой и этот ключик, а кошелек-самотряс у тебя в кармане. Захочется тебе есть, понюхай ключа, захочется спать, тоже понюхай ключа, ну, ящичка не отпирай. И скучно тебе будет дорогой о жене или о своем царство, тоже понюхай ключа, и скука пройдет, и весело тебе будет итти, только не открывай ящичка. До тех пор не открывай, пока не придешь в твое царство, и там зайди на громадное поле и открой ящичек, и увидишь, что будет. И ты скоро доберешься до своего государства.

Распростился Иван-царевич с орлом-царевичем и отправился в дорогу. Идет без всякой думы, ему итти до чего весело, что прямо не чует ног под собой. И перед ним стоит широкая дорога. И вот ему захотелось есть. Он вспомнил ключик, понюхал, прошел голод. Идет дальше, и захотелось ему пить и спать, он опять же ключик понюхал, прошел сон и жажда. Идет дальше, и вдруг его ударила такая грусть, мысль, печаль, что он не видит даже свету. Он опять понюхал ключа, и все прошло. Вот идет он так долго, что задумал о своей жене: «Как у меня осталась теперь женочка, что она осталась молодая».

Опять стал думать. Потом опять же он понюхал ключа, все прошло и думает: «Теперь уж наверное близко завожусь от своего государства».

И потом раздумался: «Почему же он не велел мне открыть ящичек, хотя бы посмотреть, что в нем хранится? Я открою, ничего не будет».

А это волшебный король все более его смущал:

«Открой, открой!» Конечно, он его не видал.

— Давай, открою немножко, хоть краичек.

И он взял ключик, только хотел повернуть, сейчас крышка открылась, зафурчало, все кверху полетело, и он остался пустой. И вот он закрыл этот ящичек, пошел дальше. И напал на него голод. Он вспомнил про ключ, стал нюхать, пользы никакой не было.

Потом его ударил сон и жажда, и дорога стала хуже, хуже, угрюмее пошла. Он стал опять ключ нюхать, но пользы никакой, а все стало хуже и хуже, утомился Иван-царевич. Настолько он утомился, зашел в такую глушь, в чащу, что больше и податься некуда. Сидит и плачет:

«Не послушал я орла-царевича, теперь мне и смерть, больше итти некуда».

И вдруг обратился перед ним какого-то высокого роста мужчина и говорит:

— Что, Иван-царевич, так заплакался, и о чем задумался? Он говорит:

— Да как же не думать, коль я шел путем-дорогою домой, а теперь и не знаю, куда мне итти, холодный, голодный, истомился совсем. Раньше я шел, у меня был ящичек, когда я ключ нюхал, все было хорошо, а потом, когда я открыл его, он не стал действовать. И дошел до того, что стал холодный, голодный и сонный.

— Так вот, Иван-царевич, желаешь, я тебе верну обратно, только отдай мне, что у тебя дома незнаемое есть. И все ты вернешь обратно, что у тебя в ящичке было, только не открывай, пока не дойдешь до дому, как тебе говорил орел-царевич, так и не открывай. Ну, так вот, как думаешь, отдашь или нет?

Он подумал: «Семьи у меня нет никого, жена одна осталась, скот известен, как я скормил его много и даже покупал, царство известно, а больше нет ничего такого, и если мне здесь помирать, то не лучше ли так сделать?» Ну, он тогда сказал:

— Ну, что же, если ты только можешь вернуть все, — согласен.

— Ну, хорошо, давай делать с тобой запись, договор, чтобы ты мне отдал через три года, а даешь раньше, и то возьму.

А это был сам волшебный король. И вот уж он совсем приготовил запись и принес ему:

— Ну, вот, теперь распишись. И дай мне ящик и ключ, я тебе приготовлю, а ты сиди на этом месте.

Вот, конечно, он отдает ему ящичек и ключик и сел. И он ушел. Немного погодя вдруг приходит и говорит ему:

— Ну, на, Иван-царевич, ящичек, и теперь понюхай ключ, коли ты усталый, голодный, печальный и сонный. Вот понюхай ключ и тогда узнаешь, что будет.

Берет ящичек в руки и понюхал ключ, и сделался сытый, веселый, без усталости. И перед ним стоит широкая дорога. Он распростился с ним и пошел вперед.

— Ну, смотри, не открывай его, пока не придешь на .большое поле, которое ты хотел разделять.

И так царевич пошел вперед. И вот он немного подошел, пошли знакомые луга, лес, и подумал: «Ну, наверное царство мое близко!»

И как раз издалека увидал свое государство. И приходит на это место, где хотел разделять новую пожню. Взял, вскрыл этот ящичек и смотрит — из этого ящичка столько вылезло силы, что это поле было заставлено людьми. И начали корчевать, боронить, сеять, а царевич пошел в свое царство.

Когда он приходит в свое царство, то выходит жена встречать его и несет мальчика, уж был годовой. Он так и ахнул, ну, ничего не сказал. Она обрадела, что он вернулся, уж не видела около двух лет. И зашли они в царские палаты. Он и думает: «Уж наверное никого больше посулил, как своего сына».

Но жене своей ничего не сказал.

Вот он с той поры стал дома жить и все стал грустить, что у него единственный был сын, еще из детей никого не было. Жена его и стала спрашивать:

— Что ты, Иван-царевич, ходил, ходил и пришел грустный, разве орел не уплатил тебе убытков?

— Нет, прекрасная моя жена, орел дал мне денег и силу, и у меня теперь есть кошелек-самотряс, так что богатство Это никогда не уничтожится.

— Ну, так чем ты недоволен, Иван-царевич, муж мой, скажи мне правду.

— Да, жена, делать нечего, хотя и жаль, а приходится сказать. Когда пошел я от орла-царевича, он мне дал ящичек, набито было силой. И я шел до чего веселый, сытый, дорога, понимаешь, стояла широкая, но я вздумал его открыть. Когда я его открыл, тогда я оказался сонный, голодный, холодный, и путь мой стал такой тяжелый, зашел в такую глушь, что уж дальше было некуда. И стал я плакать, думал: «Ну, пришла моя смерть». Тогда пришел какой-то человек и сказал: «Ну, вот, Иван-царевич, отдашь незнаемое дома, я тебе верну», — и мне пришлось это отдать, чтобы добраться до своего государства. Когда я пришел, смотрю, ты несешь мне сына, вот с того я и задумался.

— Ну, что же делать, когда ты был при гибели, то уж не при разуме, мы еще молодые, может, у нас и будут дети.

Конечно, она заплакала сильно, но уж делать было нечего.

Ну, этот мальчик у них стал расти не по дням, а по часам. Уже стал играть с ребятами и сделал стрелочку, стал стрелять из лука или самострела. Когда он сделал эту стрелочку, то раз выстрелил и попал в окно одной бабушке. Она вышла и говорит; — Ишь ты какой, Иван-царевич, у меня окна стал бить. Но погоди, отец тебя посулил одному волшебному королю, недолго тебе здесь бить стекла, остался один год. Он прилетит сюда сам и возьмет тебя.

Парень, конечно, задумался и пошел к отцу-матери со слезами. Мать его и спрашивает:

— Ну, что ты, сынок, обиделся, кто тебя обидел?

— Как же мне не плакать, мама, бабушка сказала, что недолго тебе здесь окна бить, отец посулил тебя одному волшебному королю, скоро придет за тобой и возьмет, как же мне не плакать?

Приходит отец, спрашивает:

— Ну, что же ты, Иван-царевич, сегодня заплакавши, печальный?

— Да как же, папа, не печалиться, коли ты посулил меня какому-то волшебному королю. Говори правду, посулил ты меня или нет?

— А что ты бабушке разве сделал плохое, что она так высказалась на тебя?

— Да что, я ничего не сделал, выстрелил стрелочку и разбил окно.

— Не надо, Ванюша, так делать, она это со зла и пригрозила тебе, а так что она знает.

Он, конечно, убедился и это все забыл, потому что был малый, только начинался третий год. И он это все забыл, через недолго опять же выстрелил бабушке второй раз в окно. Бабушка выходит на крыльцо и говорит:

— Ну, Иван-царевич, ты последние полгода здесь живешь, уж коли ты так часто начал у меня окна бить, скоро прилетит волшебный король и возьмет тебя.

Парень сильно задумался: «Уж наверное бабушка не врет, значит есть какое-то дело».

И вот он приходит к отцу и говорит:

— Ну, отец, теперь уж я верно знаю, что ты меня посулил. Скажи правду, и я пойду к бабушке, повинюсь, заплачу деньги за то, что я окно у нее разбил. Отец и говорит:

— Ну, сынок, коли так, уж я тебе скажу, я тебя посулил.

— Ну, отец, коли так, что делать, придется итти. Дай мне денег, я схожу к бабушке, уплачу, верно, судьба моя такая.

Отец, конечно, дает ему денег.

— На, поди, уплати бабушке и спроси у нее, как тебе будет итти удобней.

— Ну, ладно.

Так он пошел к этой бабушке. Приходит к бабушка и говорит:

— Ну, бабушка, прости меня, что, может, и провинился, разбил у тебя окно. И скажи мне правду, что батюшка-посулил меня или нет, — спрашивает он у нее.

То бабушка и говорит.

— Да, Иван-царевич, малый ты, а тебе надо раньше итти, как король придет за тобой. А уж я тебя научу, как тебе попадать. И трудно тебе будет, да уж все равно, только иди раньше, пока он сам не придет.

И бабушка приносит ему воды в чашке и говорит:

— Ну, сынок, выпей эту чашечку, а потом почувствуешь сам себя, какой ты будешь.

Когда он выпил эту воду, то сделался в полтора раза больше, как он был. И таким сделался красавцем, бравым парнем, как будто взрослый человек.

— Мне жалко, Иванушко, тебя, да уж делать нечего, тут ничего не изменишь, придется итти. Я зато тебе и дала, чтобы навести красоту и ты бы понравился прекрасной девице, королевне Елене. И вот теперь, когда ты пойдешь из своего царства отсюда, и поведет тебя дорожка. Иди до тех пор, пока не приведет тебя к озерку. Когда ты придешь к озеру, заройся в песочек и лежи. Прилетят двенадцать лебедей, обернутся прекрасными девушками, скинут платья и начнут купаться. Когда станут купаться, смотри, которая меньше всех, та будет красивее всех. И вот старайся у нее платьеце убрать. И прислонись так, чтобы она тебя не заметила. Вот сестрицы улетят, она одна останется. И будет у тебя просить платьеце. Ты до тех пор не открывайся, пока она не скажет: «Будь ты моим суженым». Она всех хитрее и знает все волшебство, так что перехитрит своего батюшка, и ты будешь счастлив, если достанешь это платье. Теперь, сынок, иди домой, веди матери напечь подорожничков, пока у тебя есть еще свободных три месяца. Как придешь первый, то он тебя не сразу съест, а как прилетит за тобой, то кряду сглонет. Он приходит домой и говорит матери-отцу:

— Ну, мама, пеките мне подорожничков, а я уж все равно пойду, может, дорогой могу найти себе счастье.

Мать насилу распознала его, что он такой был высокий, стройный, красивый. Только уж распознали его по голосу и сильно заплакали, но уже делать было нечего. И мать в эту же ночь приказала служанкам напечь сухариков, приготовила ему все с собой, чтобы к утру все было готово. Ну, утром все было сделано. И вот он со сна встает и говорит отцу-матери:

— Ну, теперь, если все готово, то я иду.

Отец с матерью заплакали, стали его снаряжать в путь-дорогу. Он справился, распростился с отцом-матерью, и ушел наш Иванушко. Вышел из города и пошел по широкой дороге. Идет себе, никакой нужды-печали не видит, и дорога ему шла веселая. И вот он скорое время приходит к озерку, озерко красиво, пески кругом. Он взял вырыл себе ямочку, притаился, немного подождал и смотрит, — летят двенадцать лебедей. И он стал очень зорко смотреть, что будут делать. Они ударились в пески, обернулись девушками, посняли платьеце свое и давай купаться. А Иван очень зорко смотрел за самой красивой девушкой. Когда он высмотрел эту девушку, сейчас пополз к этому платью, унес его к себе, зарыл в ямку и лежит, смотрит, что будет дальше. Вот сестрицы все покупались, покупались, выскочили на гору, и она выскочила.

Сестры оделись, обернулись лебедями и улетели. А у нее платья нет. Она зашла обратно в воду, стоит и плачет. Потом, наконец, заговорила:

— Слушайте, кто взял у меня платье, то пусть отдаст мне его. Если старый старичок, то пусть мне дедушкой будет, если старая старушка, то пусть мне бабушкой, а если в средних летах, то пусть мне братцем, только отдайте платьице. Ну, уж если молодой молодец, да по нраву будет, то замуж пойду, пусть моим суженым будет. Тогда выходит Иван-царевич и говорит:

— Ну, прекрасная королева, я твое платьице украл, пойдешь за меня замуж, то отдам.

— Ну, Иван-царевич, коли угадал, то счастлив будешь. Оставь платьице на песке, а сам отойди, я к тебе прилечу, не бойся, не обману, я знаю, куда ты идешь.

Он на песочек платьице положил, сам притаился, она встала, оделась, пришла к нему и говорит:

— Ну, Иван-царевич, ты обещанный отцом моему батюшку, Знаю, что ты к нему попадаешь. Ну, уж я тебе буду помогать за все, и ты придешь к нему теперь до той поры, как он полетит, и он обрадуется, что ты раньше пришел. А теперь я полечу домой, а ты придешь за трое суток до срока, за три года. И он дает тебе три дня без работы, поживешь так, а уж там видно будет, какая работа, и я прилечу к тебе тогда.

И вот они тогда стали прощаться, конечно, друг друга поцеловали, она улетела, а он пошел себе путем-дорогой вперед. И вот он шел опять близко ли, далеко, низко ли, высоко, уж у него не стало хлеба, идет он сутки холодный, голодный, а дорога все продолжается вперед. Ну, дорога, конечно, стоит хорошая. И вдруг он увидал целое царство. Стоит такой дворец золотой, так прямо украшение. И подходит он к нему. Когда он только подходит к дворцу, то выходит сам король:

— Вот молодец царь, что раньше прислал тебя, сынок, за трое суток. Спасибо большое отцу твоему. Ну, ладно, Ванюша, теперь иди трое суток отдыхай. Я тебе квартиру даю особую, да через трое суток я тебе работу даю небольшую. И вот он отдыхает, пьет, ест трои сутки и вспоминает:

«Нет у меня прекрасной Елены-королевы, не летит ко мне». И так прошло три дня. На четвертые сутки наутро походит к королю. Когда он пришел к нему:

— Здравствуйте, королевское величество.

— Ну, молодец, Ванюша, что пришел рано. Вот я тебе даю работу, чтобы она была исполнена к утру.

— Ну, что же, батюшко, какая работа будет?

— Да, вот, Иван-царевич, небольшая работка, маленькая. Вот отстрой такой же дворец, как у меня. Если не построишь завтра к девяти часам утра, то твоя голова с плеч. Он и говорит:

— Что вы, ваше величество, где же мне построить? Я еще молодой, ничего у меня в руках не было.

— Ну, не разговаривать, ты знаешь королевское повеленье, а то голова с плеч.

Иван-царевич сильно заплакал, пошел к себе в избу, идет и пути-дороги не видит. И вот пришел и целый день плачет до вечера, стало уже темно. Вдруг прилетает пчела в окно и обернулась Еленой Прекрасной.

— Что, Иван-царевич, плачешь?

— Да как же мне не плакать, прекрасная царевна? Вот батюшко дал работу построить дворец такой, как у него, вот беда. Да у меня и топор ни разу в руках не был.

— Эх, Иван-царевич, это не служба, а службица, а служба вся впереди. Не печалуйся, вот теперь поешь, да повались со мной спать, а утро мудренее вечера.

Иван-царевич, конечно, обрадел, попил, поел и заснул так крепко, что и не слышит, что творится. Она в полночь выходит на крыльцо и говорит:

— Ну-ка, дядьки, няньки, старые служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите — Елене-королевне. Копорутьники, байники, подбайники, лопатники, — все выходите ко мне на работу. И сработайте такой же дворец, как у батюшка, и даже лучше, и чтобы был к утру, к шести часам готовый.

И их налетело, что черного ворона, поклонились и побежали по своим мостам. А она пошла и повадилась спать с Иваном-царевичем. Поспала до трех часов и говорит:

— Ну, Иван-царевич, вставай, не спать пришел, а батюшкину работу работать. Вставай, умывайся.

Иван-царевич, конечно, соскочил со сна. Она и говорит:

— Ну, выходи теперь, смотри, что творится, и проводи время до девяти часов, а там сдавай работу.

Вышла она с ним на крыльцо и скрылась, а он смотрит — стоит дворец почти готовый и столько людей, как черного ворона. И вот только стало рассветаться к шести часам, никого людей не осталось, стоял дворец совершенно готовый. Только Иван один остался, поколачивал молоточком, что попало, но делать было нечего. И он так провел время до девяти часов утра. И приходит к королю.

— Ну, ваше королевское величество, дворец готовый, можешь принять.

Он посмотрел в окно.

— Молодец, Ванюша, теперь иди, сутки отдыхай, через сутки придешь ко мне.

И вот он пришел домой, поел, повалился спать. Переспал он до вечера, встал, уж было светло. Спать ему неохота, идти некуда, и думает: «Что ж это Елечка не летит, хотя бы я с ней поговорил до завтрашнего утра, до девяти часов».

Вдруг не в долгом времени прилетает пчела на окно, пролезла в дырочку, обратилась Еленой-королевной и говорит:

— Ну, что, Иван-царевич, сработал дворец?

— Да, сработал, Елена-королевна, кто-то, ну, только не я.

— Да, у нашего батюшка хватит работы, не сработать будет, иначе, как бежать только. Ну, еще скоро не побегу.

— Не знаю, завтра батюшко какую работу дает.

— Завтра известная работа. Дает тебе сработать корабль — 3 головешки, что у него под окном лежит вот уже тридцать лет.

— Что ты, Елена-королевна, люди из дерева работают. Как туг из головешки сработать?

— Из дерева! Вот тут-то и надо сработать. Ну, ладно, Иван-царевич, сейчас поужинаем, повалимся спать, а утро вечера мудренее.

И так она переспала с ним часов до четырех и улетела.

— А я завтра вечером прилечу опять, — только сказала. Вот она улетела, а он пошел к девяти часам к королю.

— Ну, ваше королевское величество, какая же теперь будет работа?

— Небольшая, Иван-царевич, работка-то.

— Да всегда у вас небольшая, смотрите, какую работу задали.

— Ну, как ты быстро сработал, так и эту сработаешь. Вот, Иван-царевич, работка какая: у меня туг под окошком лежит головешка, вот сработай мне завтра корабль, чтобы паруса были шелковые, мачты серебряные, корабль золотой. И чтоб летал по воздуху и ходил по воде. Если не сработаешь — голова с плеч долой.

— Да как же, ваше величество, из головни корабль работать?

— Ну, не разговаривай, а приказано, так делай.

Иванушко пошел домой. Приходит домой и так сильно задумался, что уж прямо до слез, сам думает: «Ну, уж если поможет Елена Прекрасная, то хорошо будет, а уж не поможет, то мне смерть».

И вдруг только вечереться стало, подтемнилось, прилетает пчела к окну.

— Ну, что, Иван-царевич, какую службу батюшко дал?

— Да уж служба у твоего батюшка!

— Что, не нравится? Это еще не служба, а службица, а служба вся впереди будет. Ладно, не печалуйся, поешь, попей, да ложись спать, все будет сделано.

И потом они, конечно, попили чаек, повалились спать. Когда она проспала до трех часов, будит его:

— Ну, Иван-царевич, вставай, не спать пришел, отцу-батюшку работу работать. Вставай.

Вот она разбудила его, он встал со сна, она ему дает плеточку:

— Вот, Иван-царевич, бери плеточку, иди к батюшку под окно, ударь этой плеточкой головню три раза крест-накрест. Эта головня закатается и улетит на воздух. А ты дожидай до шести часов утра. А к шести часам прилетит корабль золотой, и выставай на него, поколачивай молоточком и проводи время до девяти часов утра. А в девять часов приходи к батюшку, сдавай работу.

И вот она тут же кряду скрылась, улетела, а он пошел к батюшкиным окнам. Приходит, эту головешку ударил три раза крест-накрест, она закаталась, поднялась на воздух, а он стал ждать. Как только шесть часов исполнилось, смотрит, летит золотой корабль. Прилетает, встал против него, он заходит и

стал молоточком поколачивать, а уж он был совсем готовый. И вот провел время до девяти часов и идет к королю:

— Ну, ваше королевское величество, не знаю, годится или нет, а корабль готов, принимайте работу.

— Ну, молодец, Иванушко, иди теперь, сутки отдыхай, а потом я даю тебе третью работу. Если третью работку справишь, то я тебя женю на своей дочери.

Он уж стал догадываться, что помогает дочь, только не знает — какая.

И вот он пришел, конечно, домой, день проводил до вечера, вечером нет Елены-королевны. «Что за беда, если не прилетит на вторую ночь, то не знаю, что и будет».

Вот он на второй день вечером запечалился, что не летит. Вдруг летит пчела.

— Что ты, Елена-королевна, совсем меня забыла?

— Нет, Иван-царевич, нельзя мне вчера было. Нужно узнать дополна, какая у батюшка работа будет. Вот сегодня утром он даст тебе работу. Ну, эта работа ему небольшая будет, а тебе покажется большая. Это последняя работа, — он тогда узнает, кто из нас, из сестер, помогает.

Вот наутро он пошел к королю.

— Ну, батюшко, я пришел, какая работа будет?

— Да, Иван-царевич, еще сработай эту работу, а уж потом я женю тебя на своей дочери. Вот в эту ночь, к девяти часам утра, к завтрашнему дню, выруби лес, выкорчуй, выжги и выпашаи хлеб, и чтобы этот хлеб вырос, и сними его, и чтобы успел к утру напекчи мне блины.

Тогда Иван-царевич ничего ему больше не сказал. Вот он пришел и думает: «Как же тут можно будет в одни сутки вырубить лес, выкорчевать, выжгать, посеять, убрать, и чтобы ему к утру блины были? Не знаю! Уж вот придет Елена-королевна, что скажет».

И вот так часов в семь-восемь летит пчела.

— Ну, пришла, моя прекрасная Елена-королевна?

— Да, пришла. Ну, что, какую работу батюшко дал?

— Да уж известно, у твоего батюшка работа легкая, только трудно сделать.

— Ну, это не служба, а службица, служба вся впереди будет. «Вот, — думает, — беда-то!» — Ладно, попей, поешь, ложись спать, утро мудренее вечера.

И они так легли спать, она в полночь встала, выскочила на крыльцо:

— Ну, дядьки, няньки, верные служанки, как батюшку служили, как матушке служили, так и мне послужите, Елене-королевне. Копорутьники, байники, подбайники, лопатники, выходите все.

И вот прилетело, как черного ворона, встали все и спрашивают:

— Ну, что, Елена-королевна, прикажешь делать?

— В эту ночь, чтобы к девяти часам утра непросветимый лес вырубить, выкорчевать, выжгать, выкопать, посеять хлеб и обмолотить и к девяти часам чтобы блины готовы батюшку к завтраку.

Те поклонились, побежали.

— Трудно, Елена-королевна, но сделаем. Она прилегла, часок полежала и говорит:

— Ну, Иван-царевич, не спать пришел, не лежать пришел, отцу-батюшку работу работать. Вставай скорее. И сказала, куда ему идти:

— Ну, иди скорее, тебе только стрелкой стоять да блины подбирать, да батюшку нести к девяти часам.

И вот она сама скрылась, он пошел к лесам. Только пришел к лесам, смотрит, бежит девушка, точно Елечка. Ну, он не мог узнать, она ему ничего не сказала, и пошел дальше. Приходит к лесам, уж все почти что готово, все посеяно, и колос вырос, только стало чуть рассветаться, то уж стали снимать, молотить, расклали костер и стали блины печь. Он стоит, только подбирает. К шести часам все блины готовы, блины напечены, и никого не стало. И вот он провел до девяти часов, идет с тарелкой.

— Вот, ваше королевское величество, я тебе блинки несу свеженькие.

— Молодец, Иван-царевич, вот так молодец, эту службу сделал, теперь иди домой, завтра приходи, выбери меньшую всех дочь Елену-королевну, я отдам тебе замуж ее и женю тебя.

Он пошел, обрадел, думает: «Вот теперь хорошее дело!» Уж теперь он достоверно узнал, что она помогает. Да, вот так провожает этот день весь, веселый такой, и вдруг на вечеру прилетает Елена-королевна пчелкой, обернулась и говорит:

— Ну, что, Иван-царевич, что тебе батюшке посулил? Он ласкает, целует ее и говорит:

— Ну, батюшко посулил, чтобы завтра мне выбрать тебя, Елену-королевну, вот и заживем.

— Да, Иван-царевич, у него мысль вторая. И так думаешь выбрать легко! Батюшко теперь достоверно знает, вот он и сказал: выбери теперь Елену-королевну, вот и живите. А вот выберешь ли ты ее?

— Ну, как, Елена-королевна, я тебя разве не узнаю между сестрами?

— Вот именно, что ты меня не узнаешь, мы будем не девицами стоять, а кобылицами, и вот выбери, все будем одинаковы. Одна будет сбруя, один рост, один волос, можно сказать, один голос, и все будем одинаковы. И он тебе дает пять минут. «Скорей, скорей, а то отсеку голову». И он говорит ей:

— Ну, уж у твоего батюшка затеи есть!

— Вот то-то, что есть. А я тебе сейчас до утра ничего не скажу, а то он передумает.

И вот они, конечно, чаек попили, повалились спать. Часа в три она встает, будит Ивана-царевича:

— Вставай, Иван-царевич, послушай, что я скажу, мне надо итти, а ты придешь в девять часов. И вот слушай. Теперь он, когда ты придешь, он выведет двенадцать кобылиц вороных. И пройди не более, как два раза, и смотри всем в глаза, я буду скорее всего в пятом ряду стоять или в шестом, седьмом. У меня будет одна волосинка на лице чуть-чуть подлиннее. Смотри зорчее, а так тебе не узнать. И теперь мне некогда, а утром не проспю, он начнет нас с пяти часов штурмовать.

Вот он провел часов до восьми, в девятом часу пошел, Пришел.

— Ну, Иван-царевич, теперь иди, выбирай Елену-королевну, тогда я отдам замуж, а уж ие выберешь — твоя голова с плеч.

Вывел он двенадцать кобыл и выставил всех в ряд, и дает пять минут сроку.

— Угадаешь — твоя будет, не угадаешь — сейчас же отрублю голову.

Вот раз он прошел, ничего не заметил, скорей, скорей, идет второй раз.

Пятая, шестая, у седьмой кобылы на щеках чуть волос подлиннее, он говорит:

— Ну, ваше королевское величество, вот эта пусть будет Елена Прекрасная.

— Ну, молодец, Иван-царевич, угадал, вот приходи на Завтра, я тебе покажу их снова в другом порядке.

Так Иван-царевич пошел домой. Приходит он домой, провожает время до вечера. Вечером она опять прилетает к нему.

— Ну, Иван-царевич, еще тебе завтра нужно будет угадать. Теперь попьем чай, повалимся спать, а я тебе скажу утром.

Сейчас она сидит, выдумывает, как бы ему удобнее сделать. И вот так они легли спать. Утром встает и будит его:

— Ну, Иван-царевич, вставай скорей, батюшко сейчас нас будет готовить и выведет нас, двенадцать свиней, и все будем стоять, как одна голова. А все это выдумывает у него Кривой Глаз, Зла Голова Омелько. Я буду стоять четвертой с краю, я тебе сделаю отметку, чтобы ты точно узнал. Все будем белые, но, смотри, у одной свиньи будет чуть-чуть красненькое пятнышко в ухе, это я буду. Ну, с первого раза не берись, а то он сразу поймет, а берись только на второй раз.

Тогда она улетела, конечно. Иван-царевич до восьми пролежал, в девять походит.

— Ну, что, Иван-царевич, пришел, пойдем, выбери себе Елену Прекрасную, а уж потом можешь взять ее замуж. И вот привел двенадцать свиней, все белые.

— Ну, скорей, скорей, теперь выбирай.

Он раз прошел, заметил, но плоховато, а тот:

— Скорей, скорей, — торопит.

Второй раз прошел, она уж в седьмом ряду, ишь быстро как перевернул. Второй раз пошел, заметил пятнышко В говорит:

— Ну, вот, ваше королевское величество, пускай уж эта седьмая будет Елена-королевна.

— Ну, молодец, Иван-царевич, вот завтра приходи, выбери, а потом и к венцу. Мойтесь в баине, а я в это время сделаю церковь, пива наварю, вина накурю и пир приготавлию. Повенчаю и живите.

Он обрадел, конечно, и приходит домой. Вечером прилетает опять Елена-королевна. Прилетела и спрашивает:

— Ну, что, Иван-царевич, батюшко тебе посулил?

— Да, Елена-королевна, теперь-то уж посулил повенчать.

— Да, мягко стелет, да жестко спать. Баня-то будет нам со слезами пополам обоим.

Вот она поспала опять до трех часов и говорит:

— Ну, Иван-царевич, вставай, я тебе обскажу. Уж теперь все будем девицами, одинаковые будем стоять, платье будет одно, и не узнаешь ты нас по лицу. Выдумал это Кривой Глаз, Зла Голова Омелько. Это самый хитрый у него есть волшебник. Я знаю, в каком месте буду стоять, а смотри в лицо каждой. У меня будет летать чуть-чуть мушинка над правым глазом. И смотри зорчей в глаза, а то и не узнаешь.

Сама улетела, а он остался. И вот он в девятом часу походит опять.

— Ну вот, Иван-царевич, идем, теперь я тебе покажу в настоящем подвенечном платье. Выберешь и иди, мойся в бане.

Вот привел двенадцать девиц, один рост, одна одёжа, все, как одна, ну, не подкопаешься, а он тут с мечом ходит.

— Скорей, скорей.

Вот раз прошел, ничего не заметил, не мог определить, на каком месте она стоит. Потом второй раз пошел и высмотрел, что какая-то мушечка чуть-чуть летает, и говорит:

— Ну, ваше королевское величество, вот эта Елена-королевна.

— Ну, молодец, иди с ней, мойся в бане, а после на бал приходите, все будет готово.

И он взял ее за руку, пошли они домой. Вот они пришли, он и говорит:

— Ну, что, Елена-королевна, в баню пойдём?

— Нет, Иван-царевич, нам надо бежать, пока батюшке не пришел.

Сейчас же берет лошадь со двора, открывает дверь, три слюнки плюнула и говорит слюнкам:

— Отвечайте за меня, а я теперь поеду.

И вот она села с Иваном-царевичем и поехала. Не прошло полчасика, прилетает сам:

— Ну, скоро ли?

— Только в баню походим, — отвечает слюнка.

Потом он ушел. Ушел, не прошло опять минут десять, опять же бежит снова:

— Ну, скоро ли, уж церковь готова, вино накурено.

— Раздеваемся, мыться заводим, — отвечает вторая слюнка. Ушел и опять бежит:

— Ну, скоро ли, совсем бал наготове, гости ждут, идите скорее.

— Одеваемся, идем сейчас, — отвечает слюнка.

Он пошел. Приходит последний раз, рванул двери-то, гак и вылетели стойки, никого нет. Слюнки засмеялись, вскочили и исчезли.

— А, дура, убежала, ну, ладно, не уйдет она от меня!

Вот сейчас снаряжает погоню. Отправил в погоню, а они уже далеко проехали. Она и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, глянь-ко вперед, погляди назад, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

— Елена-королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, а позади туча высока.

— Это от батюшка послы за нами летят.

Она сейчас обернулась часовней, а его старым-престарым старцем. Вдруг они и налетели. Налетели, наверное, думают, в эту часовню заехали. И спрашивают:

. — Ну-ко, скажи, дедушко, кто сейчас это проезжал?

Он отвечает им:

— Тридцать лет, как проезжих нет, а сорок лет как в стороне живу, никого не видал.

И вот слуги посмотрели, посмотрели и назад обернулись к королю. И говорят:

— Ну, мы никого не видали, видали только часовню и старого старца.

— Да это они были, подите, захватите скорее и везите сюда.

А они уж в ту пору далеко были. Вот слуги опять погнались за ними вслед.

Вот она и говорит:

— Ну, Иван-царевич, погляди опять, что над нами, что под нами, что впереди, что позади?

— Елена-королевна, под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, позади туча высока.

— Ну, это от батюшка послы летят опять.

— Ну, куда мы теперь?

— Погоди, сейчас.

Она сейчас обернула коня навозной кучей, себя голубицей, а его голубем, и стали на навозной куче. Послы приехали, посмотрели, посмотрели, никого не видать, только навозная куча да голубь с голубицей, посмотрели, посмотрели и назад поехали. И вот когда приехали, он спрашивает — Ну, кого видели?

— Никого не видели, видели только навозную кучу да голубя с голубицей.

— Да это они же и были! Ну, вам их не поймать, сам полечу.

Подъехали они недалеко, и говорит Ивану-царевичу Елена-королевна:

— Ну, Иван-царевич, посмотри, что над нами, что под нами, что позади, что впереди?

— Под нами земля, над нами небо, впереди дорога широка, позади такая туча высока, да темна, что искры скачут.

— Это батюшко сам летит.

— Ну, теперь, Елена-королевна, куда?

— Погоди.

Приезжают к озерку, сейчас обернула его кольцом, а себя ершом, и проглотила, а сама ершом в озеро нырнула. И он прилетел к этому озеру, кряду же (R)укой в озеро мотнул тоже. Вот разыскал и начал гонять ее:

— Ну, ерш-щетинник-ябедник, повернись головой.

— Нет, щука харчиста, ешь ерша с хвоста.

Ну, как щука ни гоняла, не могла поймать ерша. Выскочила на берег, обернулась королем, начала воду пить.

— Все равно пролетишь у меня с водой, никуда не денешься.

Вот пил, пил, до чего выпил, что озеро сухое стало, только осталась одна ляжка, и ерш все еще там карабкается. И пошел туда, чтобы ее схватить. В это время она обернулась уткой и полетела.

Он не выпустил воду, полетел за ней, задел за скалу, да и лопнул.

— Ну, Иван-царевич, теперь мы свободны, король лопнул.

Обернула его опять Иваном-царевичем, а себя Еленой Прекрасной, сели на лошадь и поехали домой. Когда приехали они к этому полю, которое у батюшка, было сделано, из этого ящичка выпущено, стоит со пшеницей, она ему и говорит:

— Ну, слушай, Иван-царевич, теперь я останусь у этого поля белым камешком лежать, а ты поди в царство свое. Когда придешь в царство, обрадуются отец и мать, и ты начнешь здороваться с отцом, с матерью, потом здоровайся со сестрами, после тебя родились три сестры, и здоровайся со всеми, не забудь старшей сестры. Если с ней не поздороваяешься, то забудешь меня навеки и женишься на другой. Потом благословись у отца-матери и приезжай за мной.

И вот он пошел домой. Дома все обрадели: радость, звон, пальба! Пришел и стал здороваться с отцом, с матерью, с сестрами и в радостях как раз забыл поздороваться со старшей сестрой. Он и забыл ее совсем. Отец-мать говорят:

— Ну, Иванушко, теперь тебе надо жениться, мы соберем пир, выбирай себе невесту.

— Ну, что же, батюшко, надо будет.

А про Елену-королевну и не вспоминает. Конечно, отец собирает пир, и начали ему невесту выбирать. Выбрали, конечно, невесту, какого-то короля дочку, и пошла у них свадьба. А уж после свадьбы батюшко говорит:

— Бери престол, становись на престол, а я стал стар.

Вот уж они пошли к венцу, стали венчаться, вдруг прилетел голубь на окно, сначала запел, потом заговорил:

— Иван-царевич, кого ты забыл в чистом поле, кто тебя вывел от волшебного короля?

Но он этого ничего не слышит, забыл совсем. Так голубь проговорил три раза и улетел. Приходят от венца, а там постряпухи стряпают, готовят для пира. А она тоже пришла им помогать и приготовила пирог. Когда пришли молодые, то этот пирог принесли на стол и поставили против молодых.

Молодой, конечно, скрывает этот пирог. Открыл этот пирог, из пирога выбежал голубь с голубицей, бежит сзади по столу. Голубь бежит впереди, голубица сзади и кричит:

— Стой, стой, Иван-царевич, ты не помнишь, кого ты оставил в чистом поле, как я тебя вывела от волшебного короля, а теперь стал забывать.

И он как только это услышал, кряду залился слезами и говорит отцу-матери:

— Ну, это мне не невеста, которая рядом сидит, а невеста моя осталась в чистом поле, только я ее забыл, наверное не поздоровался со старшей сестрой.

И так он отказался совершенно от этой невесты, хотя был повенчанный. И кряду же вышел из-за стола и говорит:

— Ну, батюшко, благослови меня, я поеду за невестой.

Невесте этой, конечно, было конфузно и гостям, но делать было нечего.

Вот приходит он в чисто поле, где она лежала. Он говорит:

— Встань, Елена-королевна!

Она ничего ему не говорит. Он второй раз припал к ней:

— Встань, Елена-королевна!

Она ничего не говорит. Он и третий раз:

— Встань, Елена-королевна, ведь я сходил в батюшку, благословился, батюшко велел привести, согласились все. Она ему и говорит:

— Да, Иван-царевич, рано ты меня забыл, кабы не я, не попасть бы тебе сюда. А теперь ты благословился, да поздно, женился и живи теперь, как знаешь.

И он коли это услышал, что она сказала, залился слезами, упал на этот камешок и говорит:

— Встань, Елена-королевна, не попомни зла.

— Ну, навеки меня забыл, — отвечает, — все равно мне не жить и тебе не жить будет. Потом он ей опять говорит; — Слушай, Елена-королевна, на то ли мы бежали, чтобы нам умереть. И ты дала согласие, выручила меня, чтобы нам не жить! (Ничего, она его держит!)

— Ну, уж коли так, Иван-царевич, стал просить, то иди обратно к отцу-матери, приведи их сюда, пусть они благословят при мне, а я здесь подожду. И захвати сестер своих всех.

Он с радостью вскочил, побежал в царство свое. Приходит в царство, пал в ноги отцу, матери и говорит:

— Ну, батюшко, матушка, поедем за невестой моей, иначе она не хочет ехать, и сестры все, поедем за ней. А если не поедете, то меня здесь в царстве не увидите.

Отец, мать, конечно, обрадовалась, Да и испугались, как он такое слово сказал, что меня не увидите в царстве. Сейчас приказал срядиться матери и дочерям, сели на лошадей и поехали. Как только приехали, отец спросил:

— Ну, где твоя невеста?

— А вот лежит белый камешок.

Он кряду соскочил с лошади и говорит:

— Ну, встань, Елена-королевна, теперь приехали батюшке с матушкой, со сестрами.

И вдруг этот камешок закатался, выскочила такая красавица, еще в два раза краше стала. Подошла к нему, и стали просить у отца с матерью прощенья. Отец-мать обрадели, и сестры, благословили их и поехали во дворец. Поехали во дворец и сделали такой пир, что еще никто такого пира не видал с начала мира. После этого царевич рассказал все, как он путешествовал двадцать лет и как уезжали они от волшебного короля, и все гости, и мать слушали и плакали над его жизнью.

А потом Иван-царевич получил престол и стал жить со своей Еленой-королевной, век проводить до глубокой старости.